

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.161.1'367

Голубева Виктория Константиновна
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского
языка филологического факультета
Белорусского государственного
университета
г. Минск, Беларусь

Victoria Golubeva
PhD in Philology
Senior Lecturer of the Department
of the Russian Language
Faculty of Philology of Belarusian State
University
Minsk, Belarus
v.k.golubeva9@gmail.com

ТИПОЛОГИЯ КОНСТРУКЦИЙ С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ/ИМЕНЕМ
КАЧЕСТВА С УЧЕТОМ ИХ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛАTYPOLOGY OF CONSTRUCTIONS WITH AN ADJECTIVE/QUALITY
NOUN BASED ON THEIR TRANSFORMATIONAL POTENTIAL

В статье рассматриваются двунаправленные трансформации типа *надежная конструкция* ↔ *надежность конструкции* в сочетании с одним глаголом. Устанавливаются факторы, влияющие на возможность/невозможность преобразований и их специфику. Выделяются сочетания трансформируемые (в том числе синонимичные и с семантическим расхождением коррелятов) и нетрансформируемые.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *синтаксическая деривация; синтаксическая трансформация, прилагательное; отвлеченное существительное; предикат; деадъектив; синтаксическое смещение.*

The article deals with bidirectional transformations of the model *надёжная конструкция* ↔ *надёжность конструкции* in combination with one verb. The factors which influence the possibility/impossibility of transformations and their specifics are established. Transformable combinations (including synonymous ones and those with semantic divergence of correlates) and non-transformable ones are distinguished.

К e y w o r d s: *syntactic derivation; syntactic transformation; adjective; abstract noun; predicate; deadjective; syntactic shift.*

Номинализации в целом – как глагольные, так и адъективные – в своем субстантивном классе занимают периферийное положение, поскольку яркость признаков имени существительного у них снижается под влиянием категориальной семантики мотивирующих их слов. Вместе с тем располагаясь в зоне частеречного синкретизма [1, с. 38], имена типа *возвращение, синева* обнаруживают, с одной стороны, семантическую отмеченность на фоне прототипических единиц своего класса (*сейф, поезд*)¹, а с другой

¹ Такие синкретичные единицы обозначают хотя и сущности (предметы в широком, или грамматическом, смысле), но более отвлечённые, ориентированные на процессуальный или непроцессуальный признак.

стороны – принципиальную функциональную переориентированность по сравнению с производящими глаголами и именами прилагательными (*возвращаться, синий*). Несоответствие той реалии, которая обозначается именами действия или качества, категориальной семантике существительного позволяет относить эти подклассы к средствам непрямого, косвенного, неизосемического обозначения явлений действительности [2; 3].

После того, как в 1936 году Ежи Курилович квалифицировал образование таких лексем как синтаксическую деривацию, обозначив ее сущность в помещении «формы с таким же лексическим содержанием» в иную по сравнению с исходным словом синтаксическую позицию [4, с. 61], к этой проблеме обращались многие российские и европейские учёные. Сделанные ими наблюдения доказательно свидетельствуют о том, что такого рода «субстантивация» представляет собой нечто большее, чем перевоплощение в новую форму для выражения «чужого содержания» [5, с. 55].

При этом характерно, что в русистике отглагольные имена значительно чаще становились предметом изучения лингвистов (Е. В. Падучева, Е. В. Урысон, Е. С. Кубрякова, А. В. Бондарко, Н. В. Сердобольская, Р. И. Розина, З. И. Резанова, А. Г. Пазельская, С. Г. Татевосов и др.), задававшихся вопросами, как русский глагол с его богатым набором грамматических категорий и разветвленной моделью управления трансформируется в *po men actionis* – знак уже совсем иной категориальной природы, каков механизм этого преобразования и характер редукции исходных морфологических и синтагматических свойств производящего слова¹.

Деадъективные же существительные интересовали исследователей в гораздо меньшей степени. Как отмечает М. Б. Ташлыкова, «осознав однажды синтаксическую направленность и семантическую близость (тождество) отвлеченных существительных с их производящими, дериватологи стали относиться к этому как к аксиоме и практически исключили имена качества из сферы актуальных исследовательских задач» [5, с. 35]. Действительно, «полярность грамматических категорий имени и глагола» обеспечивает «яркость морфологической трансформации» [6, с. 71] одной части речи в другую, и изучение этого процесса позволяет сделать ряд любопытнейших наблюдений об «ассимиляции» свойств двух классов слов, противопоставленных в языковой системе.

В то же время анализ функционального соотношения прилагательного и его синтаксического деривата – существительного, на наш взгляд, также заслуживает пристального рассмотрения. Во-первых, прилагательное и существительное, хотя и являются именами, формируют, в свою очередь, оппозицию по линии «предметность – непроцессуальная признаковость»,

¹ З. И. Резанова для репрезентации текстовых функций синтаксических дериватов выбирает как раз отглагольные существительные и деадъективные наречия, поскольку «производные этих разрядов <...> наиболее ярко проявляют функциональную направленность процессов синтаксической деривации» [6, с. 71].

а потому употребление каждого из них отмечено своими грамматическими и прагматическими рестрикциями и преференциями при выражении заданного содержания. Во-вторых, тонкие различия в семантике двух типов имен, связанных отношениями синтаксической деривации и противопоставленных между собой не столь контрастно, как имя и глагол, весьма показательны – для спецификации этих категорий, уточнения представлений об их центре и периферии, а также о зонах синкретизма в системе частей речи.

Специфика представления признака прилагательным и именем качества. Рассуждая над концептуальным различием субстантивов и адъективов в целом, А. М. Пешковский, О. Есперсен, А. А. Камынина, Ю. Б. Смирнов и др. отмечали, что существительное всегда представляет любую субстанцию в качестве носителя суммы признаков, в то время как прилагательное обозначает и выделяет одно качество [7, с. 822; 8, с. 34; 9, с. 77–78]. О. Есперсен, создавая «философию грамматики», в частности, писал: «Существительное для всякого, кто его понимает, включает много характерных черт; по ним слушатель узнает лицо или предмет, о котором идет речь» [7, с. 82]. Созвучная мысль, конкретизированная для русского языка, высказывалась А. М. Пешковским: «В слове *снег* выражена определенная сумма признаков, из которых ни один не назван» [8, с. 34].

Однако указанное противопоставление, позволяющее дифференцировать прилагательные vs. субстантивы ядерной зоны, очевидно, не столь релевантно, когда речь идет о выявлении семантической специфики деадъективных существительных vs. их производящих: во внутренней форме лексем типа *осторожность*, *крутизна*, *великолепие* заложено указание как раз таки на конкретный признак, а не на их комплекс.

Абстрагируясь от лексической разнородности класса существительных, М. И. Стеблин-Каменский определял субстантивную природу таким образом: «...Любое существительное, даже если оно обозначает не отдельную вещь или предмет внешнего мира (т. е. нечто обладающее известной самостоятельностью или отдельностью и в объективной действительности), а качество, действие, отношение или любое отвлеченное понятие (т. е. нечто в объективной действительности такой самостоятельностью не обладающее), – все же представляет это качество, действие, отношение и т. д. таким же самостоятельным или отдельным предметом мысли, каким оно всегда представляет отдельную вещь или предмет внешнего мира» [10, с. 23].

Приобретение деадъективными существительными новой (предметной) категориальной семантики в результате акта словообразования становится тем основанием, которое задаёт направления дальнейшего лексического и семантико-синтаксического обособления их как производных слов. Немало бывших номинаций качества, воплощенных теперь в субстантивной форме, обрастают собственными «денотативными подробностями» и семантически отдаляются от исходных прилагательных. Не случайно поэтому исследователи данной проблематики высказывали справедливую мысль о необходимости разграничения транспозиционной и номинативной функций таких

деадъективов. Ср.: *неприятный* – *неприятность запаха* и *со мной случилась неприятность*, *у меня неприятности*; *подлый* – *подлость поступка* и *известен своими подлостями*; *резкий* – *резкость тона* и *наговорить резкостей*; *частый* – *частота посадки картофеля* и *частота электрического тока*, *рабочие частоты радиоприёмника*¹. В данном исследовании нас интересуют в первую очередь номинализации, реализующие транспозиционную функцию, т.е. синтаксические дериваты в понимании Ежи Куриловича.

Кроме того, поскольку признаковая семантика прилагательного ориентирована на носителя признака, в качестве объекта исследования нами были выбраны конструкции типа «адъектив + существительное» и соотносительные с ними словосочетания: чаще всего используется модель «деадъектив + родительный падеж существительного», хотя в принципе компонент ‘носитель признака’ при номинализации способен выражаться и относительными прилагательными, местоимениями-прилагательными либо он не называется прямо, а выводится из контекста (*глебовская осторожность* = *осторожность Глебова*; *Марат несколько преувеличил собственную недееспособность* – Публ.).

Отметим, что трансформацию адъективной и деадъективной конструкций² в обоих направлениях (прилагательное → деадъектив и наоборот – в зависимости от исходной контекстуальной заданности) весьма интересно рассматривать в самых разных аспектах³. В центре внимания данной статьи находится способность адъективных и деадъективных сочетаний выступать эквивалентами в сочетании с одним глаголом. Цель нашей работы – установить возможности и ограничения взаимозамены соотносимых конструкций, их функциональные характеристики в указанных синтаксических условиях.

Для анализа были выбраны языковые единицы, представленные в текстах художественного, публицистического, научного и научно-технического, разговорного стилей. Материал извлекался нами из различных подкорпусов Национального корпуса русского языка [11], из научных статей,

¹ Характерно, что способность таких существительных употребляться в альтернативной форме множественного числа (например, *неприятность* и *неприятности* – правда, не без семантической нюансировки) либо в виде ЛСВ субстантива, ставшего *pluralia tantum* (*резкости* ‘резкое, грубое слово, выражение’), – еще один, наряду с семантическим, показатель утраты такими лексемами свойств синтаксического деривата, поскольку типичные отвлеченные имена – в силу специфики обозначаемых ими сущностей – не знают подобных числовых противопоставлений.

² Адъективной, а не субстантивной (по главному слову) мы для дифференциации называем конструкцию модели «прилагательное + существительное», поскольку субстантив представлен и в соотносительном словосочетании с генитивом.

³ В частности, лексико-фразеологические и семантико-синтаксические факторы, допускающие преобразование либо препятствующие ему; наличие / отсутствие стилистической маркированности одного из синтаксических коррелятов; прагматический эффект грамматической модификации компонентов высказывания и др.

книг и диссертаций (поиск электронных версий работ осуществлялся посредством системы Google Scholar и Google Books), а также интернет-версий средств массовой информации. В некоторых случаях контексты моделировались автором статьи.

С учетом трансформационного потенциала адъективных и деадъективных конструкций среди них нами были выделены следующие типы и подтипы: 1) нетрансформируемые; 2) трансформируемые, а в числе последних а) синонимические и б) с семантическим расхождением коррелятов.

К **факторам**, влияющим на **возможность/невозможность трансформации** и ее **специфику**, относятся:

1) наличие / отсутствие конструктивного (лексического) компонента, формирующего коррелятивное словосочетание;

2) семантика глагольного предиката, его способность присоединять актанты того или иного типа (предметного/предикатного) либо актанты обоих типов;

3) семантика имени, обозначающего носителя признака (номинатива – при адъективе и генитива – при имени качества): конкретность/отвлеченность обозначаемой им сущности, отнесенность имени качества и генитива к одному или к разным типам актантов;

4) способ выражения заданного смысла – стандартный, базовый или синтаксически смещенный;

5) стилистическая характеристика текста и наличие/отсутствие у его автора определенного эстетического задания.

Лексические факторы. Очевидным фактором, препятствующим синтаксическому преобразованию, является отсутствие в языковой системе конструктивного (лексического) компонента, способного сформировать коррелятивное словосочетание, вполне допустимое и осмысленное с точки зрения семантики предиката. Трансформация блокируется из-за лексических лакун именно в области деадъективов, поскольку при отсутствии их производящего не возникает отношений синтаксической деривации. Так, не образуются имена качества от прилагательных из следующих контекстов.

(1) *Однако он [молодой человек] в ответ на мою дружескую улыбку поморщился и отвернулся* (В. Катаев), ср. с другим, закрепившимся в языке субстантивом: *поморщился в ответ на приветливость улыбки* = ‘поморщился в ответ на то, что улыбка была дружеская/приветливая’.

(2) *Оба сознавали холостое вращение шестерёнки, той именно, которую он, Бенкендорф, считал едва ли не главной в ведомстве синих тюльпанов. Злодеяния наказуются, зло остаётся* (Ю. Давыдов) – предикат *сознавали*, обозначающий мыслительное действие, требует заполнения валентности пациенса номинацией ненаблюдаемой сущности. Поэтому в данном случае деадъектив выступил бы прототипическим средством выражения признака ‘холостой’: ‘сознавали не просто то, что шестеренка вращается,

а то, что она вращается вхолостую'. И все же, несмотря на заданность семантикой предиката приоритетного способа выражения актанта, преобразование в **холостость вращения* блокируется лексическим фактором.

(3) *Адвокат Самокаев особенно отметил деловую атмосферу слушаний* (Публ.) – в данном случае семантика предиката *отметил*, опять же, предполагает направленность действия на свойство объекта, который и оценивается по этому признаку: 'отметил атмосферу за ее качество – то, что атмосфера была деловая'. Но корректное с точки зрения семантики предиката словосочетание **деловость атмосферы* не формируется ввиду отсутствия в языковой системе деадъектива¹.

О том, что некоторые качественные прилагательные не способны образовывать отвлеченные имена, в литературе упоминалось неоднократно [5; 12; 13, с. 148]. Вместе с тем в зоне действия словообразовательных и лексических запретов на создание имен качества часто возникают переходные явления, балансирующие на грани узуального – неузуального, нейтрального – стилистически маркированного, актуального – устаревшего и т. д. Так, в монографии М. Б. Ташлыковой приведен ряд лексем, от которых деадъективы «не образуются совсем»: *круглый, косой, плохой, пьяный, тощий* [5, с. 38], Г. И. Кустова упоминает об аналогичных ограничениях: **крупность, *симпатичность* [12]. Однако постепенный рост коммуникативной потребности в некоторых из таких имён позволяет им не только изменить статус с потенциальных на актуальные, но и закрепиться в ряде словарей². Например: *Круглота шара как-то уживалась с остроконечностью холма* (И. Грекова); *Да, в войне есть магнетическое притяжение, но он никогда не испытывал пьяности войной* (Публ.); *В результате теста было получено распределение по крупности частиц продукта* (Науч. лит.); *Ни о содержании, ни о симпатичности не было больше речи* (А. Куприн); *Не ссылайтесь на неясность отпечатка, плохость газетной бумаги и т. д.* (М. Цветаева); *Ташкент теперь вспоминаю как солнечный рай, как все относительно, как забывается все плохое, иначе от «плохости» можно умереть, возненавидеть мир* (Т. Окуневская).

Неустойчивый статус данных слов (например, *плохость* носит оттенок устаревающей лексемы; *крупность* в [14] сопровождается стилистической пометой *разг.*, в [15; 18] эта помета у слова отсутствует, а по данным [11], оно преобладает в профессиональной речи) показателен и в аспекте обсуждаемой нами проблематики: при возникновении отсутствовавшего слова, при введении его в соответствующий контекст, лексическое ограничение, которое препятствовало созданию коррелятивной конструкции, исчезает, и синтаксические синонимы могут появиться.

¹ Кроме того, имеющееся в языковой системе существительное *деловитость* в данном случае неуместно в силу того, что оно обозначает качество, прямо или опосредованно относящееся к лицу (*деловитость секретаря, деловитость осанки*).

² Так, в [16] зафиксированы лексемы *круглость, симпатичность, крупность, крупнота*; в [17] – *крупность* и *крупнота*; в [14; 18] – *крупность*.

Семантико-синтаксические факторы. Как указывалось, семантический тип предиката – еще одно важнейшее условие, предопределяющее трансформационные возможности конструкций. Ср. высказывания: *Восхищался длинными ногами* и *Восхищался длиной ног*; *Скромность незнакомки явно привлекала его* и *Скромная незнакомка явно привлекала его*, но *Пил свежесть утра* и **Пил свежее утро*. В противопоставленных адъективных и деадъективных сочетаниях семантико-синтаксический статус признакового компонента различается: деадъектив (*длина, скромность, свежесть*) выступает вершиной (главным словом) именной группы, а соответствующее прилагательное (*длинный, скромный, свежий*) – зависимым вершины, ее модификатором. При этом степень смысловой «универсальности» предиката предопределяет, может ли синтаксическим актантом при нём в конкретной позиции выступать и имя качества, и бывший генитив, который в соотносительной конструкции с прилагательным становится вершиной именной группы (*Восхищаться длиной ног* и *восхищаться длинными ногами*).

Так, семантика одних предикатов требует присоединения событийного (предикатного) актанта, выраженного, например, абстрактным именем (но не предметным). Если зависимый генитив представляет другой семантический класс слов, для которых закрыта данная актантная позиция, трансформация не осуществляется: *Признаться в неправдивости своих слов* – **признаться в своих неправдивых словах*; *настаивает на невиновности подзащитного* – **настаивает на невиновном подзащитном*; *принимает во внимание усталость собеседника* – **принимает во внимание усталого собеседника*; *преодолевают трагичность бытия* – **преодолевают трагичное бытие*; *проявляется в нерешительности властей* – **проявляется в нерешительных властях*; *обвинять руководителя в некомпетентности персонала* – **обвинять руководителя в некомпетентном персонале*.

(4) *Наше заключение ставит под вопрос надежность конструкции* (Науч. лит.) или *Мы рискуем напомнить нашему читателю, что он является соавтором прозаического произведения и, если у него есть потребность в реализме, он может спокойно <...> ставить под вопрос прямизну ног* (В. Аксёнов) – **ставить под вопрос надёжную конструкцию*, **ставить под вопрос прямые ноги*.

При изменении же лексического наполнения исходной, деадъективной конструкции (в частности, генитива) трансформация оказывается возможной: *настаивает на обязательности амнистии* → *настаивает на обязательной амнистии*; *принимает во внимание сложность обстоятельств* → *принимает во внимание сложные обстоятельства*; *преодолевают остроту разногласий* → *преодолевают острые разногласия*; *проявляется в нерешительности действий* → *проявляется в нерешительных действиях*; *обвинять руководителя в некомпетентности действий* → *обвинять руководителя в некомпетентных действиях*.

Обратное явление, когда не допускает грамматического преобразования уже адъективная конструкция, наблюдается в следующих случаях: *проводить томительные дни в одиночестве* – **проводить томительность дней в одиночестве* (валентность срока у предиката заполняется именами со значением промежутка времени, но не именем состояния); *вытолкнуть на перрон странный багаж* – **вытолкнуть на перрон странность багажа*, *поднять свой заметный флажок* – **поднять заметность своего флажка* (конкретные действия динамических глаголов *вытолкнуть*, *поднять* ориентированы на физический объект, а не на свойство); *направиться в дешевый магазин* – **направиться в дешевизну магазина* (семантический актант ‘локатор’ заполняется локативом, а не свойством); *уплетать свежий багет* – **уплетать свежесть багета*.

(5) *Бакуловирусы <...> имеют прочную белковую оболочку* (Науч. лит.) – в данном контексте валентность предиката *имеют* на посессив заполняется конкретным именем (*белковая*) *оболочка* ‘материальная часть субъекта обладания (бакуловирусы)’. Ср.: *имеют прочную белковую оболочку*, но не **имеют прочность белковой оболочки*, хотя предикат *иметь* способен оформлять высказывания с типовым значением ‘наличие признака у его носителя’: *Оболочка имеет прочность*, *Вода в заливе имеет чрезвычайную солёность* (о стилистической характеристике высказываний с такими предикатами см. [19]).

Наконец, кроме адъективных конструкций, которые не преобразуются в деадъективные, и деадъективных, не имеющих адъективных коррелятов, нужно сказать о трансформируемых сочетаниях:

(6) (а) *Хохотали над беспомощностью бродяги* ↔ (б) *Хохотали над беспомощным бродягой*.

Хотя конструкции такого типа можно отнести к синонимичным, каждая из них имеет свою специфику. Так, деадъектив, выражающий лишь один из признаков объекта – его состояние, служит своего рода семантико-синтаксическим посредником между глагольным действием и лицом, на которое это действие ориентировано, создавая таким образом аспектацию направленности глагольного действия на объект. Так, в (а) создается фокусировка на том, что действие вызвано именно состоянием каузатора¹ (‘хохотали именно над тем, что бродяга беспомощен’), а в (б) это не отрицается, но и не акцентируется, на первый план здесь выступает сам каузатор (‘хохотали над бродягой, который беспомощен’).

У многозначных глаголов разные ЛСВ проявляют свой трансформационный потенциал неодинаково.

(7) *Дыша белизной стен, сверкая обрамлёнными в пластиковые рамы стеклами, <...> кабинет Рубца скрипел, жужжал, свистел всевозможными чудесами техники* (Худ.) – предикат, реализованный вторичным ЛСВ глагола *дышать* ‘веять, обдавать’, способен присоединять только отвлеченные имена

¹ Каузатор – лицо, создающее ситуацию и определяющее поведение других участников [3, с. 210].

(дышать сыростью, стужей). В силу этого невозможно *Дыша белыми стенами – в таком случае вершиной именной группы выступает предметное имя, семантически несогласуемое с предикатом.

Первичное же значение глагола *дышать* ‘вбирать и выпускать легкими воздух’ обуславливает его иные валентностные свойства как предиката: преобразование, например, *Дыша чистым воздухом* → *Дыша чистотой воздуха* допустимо, однако, считаем, соотносимые конструкции все же не являются полными смысловыми эквивалентами. Под влиянием синтаксического актанта – абстрактного существительного – соответствие на линии «конкретное физиологическое состояние-процесс (*дышать*) – конкретный инструмент этого действия (*воздух*)» нарушается, усиливается образная составляющая высказывания¹.

Семантико-синтаксическое смещение. Логический акцент. Рассматривая лексические ограничения на трансформацию, мы приводили, например, контексты (2), (3) – *Сознавали холостое вращение, Отметил деловую атмосферу*, объясняя отсутствие коррелятивных деадъективных конструкций отсутствием соответствующих имен качества. Вместе с тем нужны особые пояснения таких употреблений:

(8) *Качество изображения, учитывая сложную схему ретрансляции, было вполне приличным* (Публ.);

(9) *Создание таких систем представляет собой сложный процесс, характеризующийся значительными капиталовложениями, длительным сроком реализации <...>* (Науч. лит.);

(10) *Дворец же, несмотря на свежую роспись, стал называться Старым – палаццо Веккьо* (Публ.).

В приведенных контекстах требуется семантический актант предикатного, а не предметного типа: *учитывая сложную схему ретрансляции* – ‘учитывая не схему, а сложность схемы; учитывая, что схема сложная’; *характеризующийся значительными капиталовложениями, длительным сроком реализации* – ‘характеризующийся не капиталовложениями и сроком, а значительностью капиталовложений, длительностью срока; характеризующийся тем, что капиталовложения значительные, срок длительный’; *несмотря на свежую роспись* – ‘несмотря на свежесть росписи; несмотря на то, что роспись была свежей’. Здесь, в сущности, заданный смысл по стандартным правилам синтаксического оформления должен выражаться именно деадъективной, а не адъективной конструкцией.

Однако использование адъективных сочетаний в подобных случаях не выходит за пределы современной нормы, причем объясняется это синтаксическим смещением, в большей степени характерным для неофициальной речи (хотя встречается во всех стилях).

¹ В художественных текстах (именно в них чаще происходят такие трансформации) трактовка семантических изменений в структуре глагола может различаться (например, не просто ‘вбирать и выпускать легкими воздух’, но и ‘наслаждаться, испытывать особое удовольствие, находясь в этом состоянии’).

При этом, с одной стороны, употребление сочетаний типа *несмотря на свежую роспись* вместо *несмотря на свежесть росписи* приводит к синтаксическому упрощению конструкции. По словам Е. В. Падучевой, «подчинение имени глаголу и согласованного определения – имени дает самые элементарные структуры, присутствующие во всех языках, тогда как подчинение предикаций оформляется по-разному и может вызывать значительные сложности» [13, с. 148]. С другой стороны, в результате такого преобразования исходной конструкции адъективное сочетание менее эксплицитно выражает отношения между формой и значением.

Меньшая эксплицитность адъективных конструкций обусловлена тем, что выдвижение признака на первый план в ряде случаев требует логического акцента, в то время как грамматическое оформление этого признака в виде деадъектива, который выступает вершиной именной группы, уже само по себе актуализирует этот признак. См. замечания выше об аспектации, создаваемой деадъективом, относительно (б), а также:

(11) *Всё это нам сообщили местные жители, торговцы и чиновники, которые удивлялись безрассудному приказу отправлять нас в этукую стужу* <...> (Публ.) – без логического акцента на прилагательном передается смысл ‘удивились приказу’, с логическим акцентом – ‘удивились не столько самому приказу, сколько его безрассудности’.

Итак, с учетом рассмотренных факторов систематизируем выявленные нами трансформационные типы адъективных и деадъективных конструкций.

1. Нетрансформируемые конструкции:

1.1. Конструкции с лексически обусловленной нетрансформируемостью: *Кашляю совсем редко, несмотря на сырость и проливные дожди почти всю зиму* (А. Колмогоров). Адъективное сочетание, хотя и выражает свернутую предикацию ‘несмотря на то, что шли проливные дожди’, не преобразуется в деадъективную конструкцию ввиду отсутствия в языковой системе соответствующей лексемы **проливность*.

1.2. Конструкции с нетрансформируемостью семантико-синтаксического характера: *Стебли [кактусов] короткие и плоские, часть их находится под землей, и внешне они действительно напоминают растущие прямо из земли диковинные цветы* (Публ.). Предикат *напоминают* ‘имеют сходство с чем-либо’ требует смысловой однотипности актантов, реализующих валентности компаратов (что сравнивается с чем). Поэтому, если субъект сравнения выражен конкретным именем *стебли*, то объект сравнения не может эксплицироваться номинацией качества. И наоборот, при замещении одной из валентностей именем качества второй семантически, обусловленный актант не выражается конкретным субстантивом: *Каллиграфическая нежность ее лица, напоминающая миловидность ее отца, показалась теперь матери особенно ясной и неправдоподобной* (А. Бузулукский) → **Нежность ее лица, напоминающая ее миловидного отца...*

2. Трансформируемые конструкции:

2.1. Синонимического характера (одна из конструкций реализует прототипический способ заполнения валентности предиката, а вторая – синтаксически смещенный; синонимию конструкций обеспечивает акцентировка прилагательного):

(а) *Использование такого приема позволяет добиться многовариантности конструкторских описаний* (Публ.) = ‘позволяет добиться того, что конструкторские описания будут многовариантными’. Преобразование в (б) *Добиться многовариантных конструкторских описаний* возможно, хотя деадъективная конструкция имеет стилистическую отмеченность.

(а) *И если что роднит «Осень» Пастернака с «Осенью» юного Вознесенского, – это как раз легкость дыхания* (И. Вирабов) = ‘роднит то, что дыхание легкое’. При логическом акценте на прилагательном возможно эквивалентное преобразование в (б) *Роднит легкое дыхание*. При отсутствии акцента конструкции могут прочитываться и как синонимические, и как имеющие семантические различия (тип 2.2), аналогичный контекст (11).

2.2. Несинонимического характера (актанты, выраженные адъективным и деадъективным сочетаниями, представляют описываемую ситуацию по-разному):

(а) *Проверять профессиональную состоятельность кандидата будут сами члены лиги* (Публ.) = ‘проверять, состоятелен ли кандидат в профессиональном отношении’. Трансформация в адъективную конструкцию (б) *Проверять состоятельного кандидата*¹ влечет за собой семантическую модификацию: в (а) деадъектив выступает параметрическим словом, а потому действие глагола *проверять* направлено на установление степени выражения этого качества у носителя признака (высокая степень данного признака не утверждается и не отрицается); в конструкции (б) именная группа выражает высокую степень признака (*кандидат состоятельный*), а потому действие глагола *проверять* направлено на установление иных, не эксплицированных в высказывании признаков объекта.

Как показывает проведенное исследование, очертить абсолютно четкие границы описываемых явлений – задача практически невыполнимая, что, в общем-то, так или иначе касается любой классификации. В ходе анализа материала становится понятно, что в группе нетрансформируемых оказываются как конструкции явно аграмматичные (ср.: *вытолкнуть на перрон странный багаж* и **вытолкнуть на перрон странность багажа*), так и те, которые тяготеют к нормальным, допустимым, способным иметь коррелят (ср.: *признаться в неправдивости своих слов* и **признаться в своих неправдивых словах*).

Факторы, предопределяющие трансформационный потенциал конструкций, в одних случаях усиливают друг друга, обеспечивая безоговорочное отнесение языковой единицы к тому или иному типу, в других случаях –

¹ Тут мы не касаемся вопроса о возможности каждой из конструкций распространяться (*профессиональная состоятельность*).

оказывают разнонаправленное влияние, создавая континуальность типологии. Скажем, иногда требования семантики предиката блокируются отсутствием узуального деадъектива, необходимого для выражения заданной мысли, в иных случаях, наоборот, важнее оказывается грамматически «правильный», прототипический способ выражения мысли, являющийся, однако, окказиональным с лексической точки зрения.

Даже вне противоречия разных факторов отступления от прототипического способа выражения семантики, заданной предикатом, далеко не редки. Так, деадъективными конструкциям, семантически более сложным, могут предпочитаться адъективные, хоть и менее эксплицитные. Более глубокое изучение прагматики этого явления, в том числе с ориентацией на функциональные стили, расширение представления о средствах, выражающих в контексте необходимые смыслы, – это еще задачи для будущих исследований.

Наконец, возможности и ограничения в преобразовании адъективов и деадъективов, их изучение на уровне смысла предложения заставляют еще раз усомниться в том, что синтаксический дериват просто «копирует» семантику производящего. Как видно, эти грамматические категории очень специфично и избирательно взаимодействуют с разными глаголами (их ЛСВ) в роли предиката, создают разную акцентировку смысла и, соответственно, вводятся в текст со своими коммуникативными заданиями.

Сокращения

Науч. лит. – тексты, относящиеся к жанрам научной литературы: научные статьи, диссертации, авторефераты диссертаций (фамилии наиболее известных авторов приводятся рядом с пометой);

Публ. – публицистические тексты, в т. ч. размещённые в сети интернет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабайцева, В. В.* Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка / В. В. Бабайцева // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – № 5. – 1983. – С. 35–42.
2. *Золотова, Г. А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
3. *Всеволодова, М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка / М. В. Всеволодова. – М. : URSS, 2017. – 656 с.
4. *Курилович, Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Е. Курилович. Очерки по лингвистике. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 57–70.
5. *Ташлыкова, М. Б.* Семантические этюды о «синтаксической деривации» / М. Б. Ташлыкова. – Иркутск : ИГУ, 2013. – 277 с.

6. Резанова, З. И. Функциональный аспект словообразования: русское производное имя / З. И. Резанова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. – 218 с.
7. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : УРСС Едиториал, 2002. – 408 с.
8. Камынина, А. А. Современный русский язык. Морфология / А. А. Камынина. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 240 с.
9. Морфология современного русского языка / ред. С. И. Богданов, [и др.]. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 634 с.
10. Стеблин-Каменский, М. И. Спорное в языкознании. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – С. 19–34.
11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 12.10.2022.
12. Кустова, Г. И. Прилагательные [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rusgram.ru/pdf/kustova-2018-adjectives.pdf>. – Дата доступа : 12.10.2022.
13. Падучева, Е. В. Статьи разных лет / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 736 с.
14. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / ред. Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ, Астрель, 2006.
15. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ИТИ Технологии Инфотех, 2009. – 939 с.
16. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Ин-т рус. яз. им. Виноградова ; О. Е. Иванова, В. В. Лопатин [и др.]. – Изд-е 4-е, испр. и доп. – М. : АСТ-Пресс книга, 2015. – 879 с.
17. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
18. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исслед. ; ред. А. П. Евгеньева. – М. : Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
19. Золотова, Г. А. О синтаксических функциях имен качества / Г. А. Золотова // Синтаксис и стилистика ; отв. ред. Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1976. – С. 130–160.

Поступила в редакцию 18.11.2022